

Женщины в современной политике в Республике Тыва и Республике Калмыкия (по материалам социологического исследования)

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Ноган В. Бадмаева

Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Целью исследования явилось изучение гендерных различий в региональной политике России на примере Республики Тыва и Республики Калмыкия. Материалами для анализа выступили списочные составы органов власти республик, а также результаты социологического исследования, проведенного методами глубинного и экспертного интервью в республиках в январе — марте 2022 г. по проблеме восприятия роли и потенциала женщин в региональной политике и власти. Экспертную часть участников интервью составляли общественно-политические деятели разных времен. Анализировались существующие гендерные стереотипы, оценки политического потенциала женщин в региональной политике, а также сопоставление позиций мужчин и женщин.

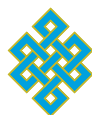
Пересчет состава руководства законодательных органов двух регионов, высших органов исполнительной власти, министерств показал, что количество активных женщин-политиков совсем незначительное. Выявлены региональные особенности — в Тыве женщины в большей степени представлены в парламенте, в Калмыкии — в правительстве региона. Несмотря на высокую социально-экономическую активность женщин, более высокий уровень образования и в целом их численное преобладание, в обеих республиках достаточны сильны патриархальные взгляды на роль женщин в политике и гендерные стереотипы, согласно которым политика — мужская сфера.

Помимо гендерных стереотипов в рассматриваемых регионах сильны экономические и социально-психологические барьеры у самих женщин. Они не позволяют им более активно проявлять себя в региональной политике. В общественном мнении обеих республик очевидна неготовность к тому, что регионы могут возглавить женщины. Вместе с тем политический потенциал женщин более высоко оценивается в Калмыкии, чем в Тыве. Этот факт подтвердился тем, что в сентябре 2022 г. Председателем Правительства Республики Калмыкия была назначена женщина.

Анализ высказываний респондентов-женщин показал, что женщины готовы «пожертвовать» карьерой, в том числе политической, ради семьи, а высказывания респондентов-мужчин подтверждают патриархальность тувинского и калмыцкого обществ.

Ключевые слова: Республика Тыва; Республика Калмыкия; региональная политика; женщина в политике; гендерный дисбаланс; гендерный стереотип; политическая культура

Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (Рег. № НИОКТР 122022700133-9).

Для цитирования:

Натсак О. Д., Бадмаева Н. В. Женщины в современной политике в Республике Тыва и Республике Калмыкия (по материалам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 225-242. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.17>

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

gmail.com

Бадмаева Ноган Вячеславовна — научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: badmaevanv@kigiran.com

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Women in contemporary politics in the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia (based on a sociological study)

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Nogan V. Badmaeva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The aim of the research was to study gender differences in Russian regional policy in the cases of the republics of Tuva and Kalmykia. The data for the analysis consist of active rolls of the officials working in government agencies in the republics as well as the results of a sociological study conducted there in January – March 2022. The latter was pursued through in-depth and expert interviews and dealt with the issue of perception of women's role and potential in regional politics and government. The expert interviewees comprised public and political figures of different times. We analyzed the existing gender stereotypes, assessments of women's potential in regional politics as well as a comparison of men's and women's positions.

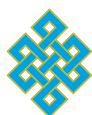
An analysis of the composition of the leadership staff of the legislative bodies of the two regions, the highest bodies of executive power, and ministries has found out that the number of active female politicians is quite small. Some regional features have been revealed: in Tuva, women are more represented in the parliament, while in Kalmykia, there are more women in the government of the region. Despite the high socioeconomic activity of women, a higher level of their education and, in general, their numerical predominance, patriarchal views on the role of females in politics and gender stereotypes are quite strong in both republics. According to these social biases, politics is a male sphere.

In addition to the gender stereotypes in the regions under consideration, there are strong economic and sociopsychological barriers to women. They prevent females from being more active in regional politics. A common feature of public opinion in the two republics is that many people are unprepared for the fact that women can hypothetically lead the regions. At the same time, the political potential of females is estimated to be higher in Kalmykia than in Tuva. This fact was confirmed when a woman was appointed the Chairman of the Government of the Republic of Kalmykia in September 2022.

An analysis of statements of female respondents has shown that women are ready to "sacrifice" their careers, including political ones, for the sake of the family, and statements of male respondents confirm the patriarchal nature of Tuvan and Kalmyk societies.

Keywords: Republic of Tuva; Republic of Kalmykia; regional politics; woman in politics; gender imbalance, gender stereotype; political culture

The research was conducted within the framework of the state task of the Kalmyk Scientific Center of the RAS "Asymmetrically Developing Territories Facing Traditional and New Challenges: A Study of the Dynamics of Socioeconomic Processes and the Variability of the Environmental Situation" (Reg. No. НИОКТР 122022700133-9).

For citation:

Natsak O. D. and Badmaeva N. V. Zhenshchiny v sovremennoi politike v Respublike Tyva i Respublike Kalmykia (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Women in contemporary politics in the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia (based on a sociological study)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 225-242 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.17>

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

BADMAEVA, Nogan Viacheslavovna, Research Fellow, Department of Complex Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., Elista 358000 Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06 E-mail: badmaevanv@kigiran.com

ORCID ID: 0000-0002-4799-5506

Введение

Проблема политического участия женщин и их присутствия на руководящих позициях в правительствах и парламентах национального и регионального уровней сохраняет свою актуальность в российских и зарубежных научных исследованиях. Межпарламентским союзом и организацией «ООН-женщины» была представлена карта «Женщины в политике: 2021» с глобальным рейтингом стран, исходя из количественных показателей женщин-руководителей по состоянию на 1 января 2021 г. Согласно данной карте, в политике наибольшее число женщин представлено в национальных парламентах — доля женщин-парламентариев составила 25,5%, заместителей спикеров — 28,3%, спикеров — 20,9%¹. Эти показатели в разы больше числа женщин, возглавляющих национальные государства или правительства. Среди глав государств, избранных в результате выборов, по данным 2021 г., только 5,9% составляют женщины, и 6,7% глав правительств являются женщинами². Женщины составляют только 22,6% из более чем 3400 министров по всему миру³.

Общемировой тренд заключается в том, что, несмотря на межстрановую дифференциацию по количественным показателям, в публичном политическом пространстве на уровне государств и в высшем руководстве стран женщины продолжают составлять меньшинство. Российская Федерация в глобальном рейтинге по доле женщин в парламенте (однопалатные и нижние палаты парламентов) занимает 138-е место — 71 депутатский мандат из 450 (15,8%) принадлежит женщинам. В верхней палате парламента — 29 из 170 или 17,1% женщин⁴. Из 31 министерской позиции в Российской Федерации женщины занимают 3⁵.

Глобальный индекс гендерного разрыва, который составляется Всемирным экономическим форумом⁶, оценивает гендерный разрыв в четырех ключевых измерениях: экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и продолжительность жизни, а также расширение политических прав и возможностей⁷. По данным индекса за 2021 г., гендерный разрыв в расширении политических прав и возможностей остается крупнейшим из четырех отслеживаемых проблем. При нынешних показателях, по оценкам Всемирного экономического форума, для достижения гендерного равенства в политике потребуется 145,5 лет⁸.

Помимо межстрановых отличий существуют региональные отличия, которые зависят не только от общей тенденции в стране, но и социокультурных, этносоциальных особенностей регионов. С этой точки зрения актуальны исследования российских регионов. В нашем случае это — Республики Тыва и Республики Калмыкия, которые имеют близкие историко-культурные и религиозные корни, а также схожие социально-экономические характеристики на современном этапе. Регионы также схожи по отдельным демографическим показателям: коэффициент пола в пользу женщин наблюдается как в Калмыкии (на 1000 мужчин приходится 1082 женщины), в Тыве (на 1000 мужчин приходится 1087 женщин), так и России в целом (на 1000 мужчин приходится 1165 женщин)⁹. Мужская смертность превышает женскую в обеих республиках с примерно одинаковым разрывом, миграционная активность жен-

¹ Women in Politics: 2021. Situation on 1 January 2021 [Электронный ресурс] // United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2021/03/women-in-politics-map-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

² Там же.

³ Global Gender Gap Report 2021. Insight Report. March 2021 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ GlobalGenderGapReport 2021. Insight Report. March 2021 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

⁷ Глобальный индекс гендерного разрыва измеряет баллы по шкале от 0 до 100, и баллы могут быть интерпретированы как расстояние до паритета (т. е. процентная доля гендерного разрыва, который был ликвидирован).

⁸ Global Gender Gap Report 2021. Insight Report. March 2021 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. С. 49, 50. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

щин превышает мужскую и в Калмыкии, и в Туве. Так, в 2019 г. из Калмыкии было 7687 женщин и 6872 мужчин, из Тувы — 6546 женщин и 5079 мужчин¹.

Целью исследования является анализ гендерного неравенства в региональной политике и власти Тувы и Калмыкии. Объектом исследования является женская представленность в политике и власти, предметом — субъективное восприятие политической роли женщин в современных тувинском и калмыцком обществах.

Исходя из обозначенной цели авторами были поставлены следующие задачи: предпринять сравнительный анализ уровня представленности женщин в региональных парламентах и высших исполнительных органах, проанализировать результаты социологического исследования, направленного на выявление потенциала женщин в региональной политике и власти в оценках женщин и экспертов, возможностей и барьеров для женщин в политике, а также существующих гендерных стереотипов в современных тувинском и калмыцком обществах.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что в Туве и Калмыкии женщины играют весьма важную экономическую, социальную роль, но в политике и власти их роль не столь очевидна. Возможно, в силу существующих гендерных стереотипов в вершине политико-властной пирамиды мало женщин, и общества не готовы видеть женщин в качестве региональных руководителей. Вместе с тем существуют межрегиональные отличия в этих двух субъектах РФ, которые заключаются в том, что в калмыцком обществе наблюдается более благоприятное отношение к женщинам-политикам и женщинам во власти, чем в тувинском.

Вопросы гендерной асимметрии в политике подробно исследуются в работах современных авторов в предметном поле политологии и социологии. Анализ институциональных и неинституциональных факторов в формировании гендерной асимметрии в современных политических процессах посвящены исследования О. Г. Овчаровой², Н. В. Колесник (Колесник 2021, 2022), политической представленностью женщин занималась Н. Н. Козлова (Козлова, 2016, 2017). Политическое сознание и поведение российских женщин исследовались Е. А. Кранзеевой (Кранзеева, 2021).

В целом проблемы гендерного неравенства на современном этапе изучают не только в тех предметных областях, которые стали традиционными для анализа, как политика или экономика, но и в рамках новых дискурсов цифрового неравенства, гендерной поляризации в STEM-отраслях³ (Хоткина, 2018; Задворнова, 2019). Применительно к Туве, например, исследователи анализировали гендерную асимметрию в области стрит-нейминга (Пушкарева, Жидченко, 2021).

Таким образом, следует отметить тот факт, что в сфере политики гендерные вопросы остры в целом для всей России, и для ее регионов в отдельности. Внутри общей российской проблемы существуют и региональные этносоциальные особенности. Определенная патриархальность политической культуры свойственна в целом для страны, что подтверждается низким уровнем представленности женщин на уровне руководства федеральных органов государственной власти, политических партий, партийных фракций и комитетов в федеральном парламенте, несмотря на позитивную динамику за последние годы. Вместе с тем наблюдаются незначительные положительные изменения — по итогам состоявшихся в 2021 г. выборов в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва женщины составили 17% депутатов, что на 1,2% больше, чем в предыдущем — VII-м — созыве. Совет Федерации Федерального Собрания РФ ныне возглавляется женщиной, и доля женщин-сенаторов выше, чем женщин-депутатов в нижней палате российского парламента — 20%⁴. На региональном уровне наблюдаются разнонаправленные процессы,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. С. 49, 50. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

² Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональный и институциональный аспекты: автореф. дисс... доктора политических наук. Саратов, 2008. 46 с.

³ STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics) — наука, технологии, инженерия и математика.

⁴ Расчеты сделаны на основе информации официальных сайтов двух палат российского парламента: Депутаты. Состав Государственной Думы восьмого созыва [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/> (дата обращения: 28.04.2022); Сенаторы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/> (дата обращения: 12.09.2022).

которые выражаются как в росте политической представленности женщин, так и в ее снижении, что демонстрирует дифференциацию в гендерной политической стратификации в российских регионах.

Несмотря на большое число общероссийских исследований по представленной теме, применительно к Туве и Калмыкии гендерное измерение современной политики и власти с использованием методов социологического анализа остается практически неизученным.

Теоретико-методологической базой исследования послужили гендерная методология, использованная в работах российских ученых, как С. Г. Айвазова (Айвазова, 2007), Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина (Здравомыслова, Темкина, 2007); социология доверия П. Штомпки (Штомпка, 2012), концепция социального капитала Ф. Фукуямы (Фукуяма, 2002), подходы к социальным стереотипам У. Липпмана (Липпман, 2004).

Эмпирическую базу для изучения особенностей восприятия женщин в региональной политике составили результаты социологического исследования, проведенного в марте-апреле 2022 г. в двух указанных регионах. Авторами был применен качественный метод социологического исследования в двух вариантах — глубинное интервью и экспертное в индивидуальном варианте. Полученные данные были положены в основу настоящей статьи. Всего в глубинных интервью в двух регионах приняло участие 40 человек (Республика Тыва — 20 женщин, Республика Калмыкия — 20 женщин). В качестве экспертов было опрошено 5 мужчин по Республике Тыва и 5 мужчин — в Республике Калмыкия. В число экспертов вошли в том числе партийно-государственные деятели советской эпохи, политические деятели нового постсоциалистического периода, действующие региональные политики.

В качестве информационной базы в статье были использованы данные Межпарламентского союза и организации «ООН-женщины», глобального индекса гендерного разрыва, Росстата, официальных сайтов о персональных составах региональных правительств и парламентов Республики Тыва и Республики Калмыкия.

Барьеры и возможности женщин в современной политике

Причины недостаточной представленности женщин в политике и во власти исследователи видят в разных факторах, как институциональных, так и неинституциональных, в том числе субъективно-психологических. По мнению П. Кампа, исследовательницы из Стокгольмской школы экономики, чаще всего, последними выступают: осознанное нежелание женщин становиться политиками, различия в политических амбициях мужчин и женщин, предвзятость избирателей и предвзятость партий. По ее мнению, стремление женщин уклоняться от конкуренции также может сыграть определенную роль, поскольку политический отбор является высококонкурентным процессом¹. Кроме того, на готовность женщин продвигаться по политической карьере, пишет она, могут влиять семейные и родственные факторы, в особенности потенциальная вероятность развода со своим партнером из-за политической деятельности женщины.

В российской социологической и политологической литературе распространено мнение, что публичная политическая сфера сохраняет исторически сложившееся мужское доминирование и остается гендерно асимметричной (Здравомыслова, Темкина, 2007: 92; Айвазова, 2007: 321; и др.). Данная позиция подтверждается анализом гендерного профиля, например, региональных органов законодательной власти конкретных субъектов РФ (Козлова, 2016, 2017; Коханская, 2014; Очирова, 2011).

Надо отметить, что наряду с определенными барьерами у женщин в современном российском обществе есть и возможности для политической активности и влияния на принятие решений. Потенциальными каналами вертикальной мобильности и институциональными ресурсами для продвижения женщин в региональную политику являются политические партии, которые в своей практической деятельности действительно ориентированы на использование социального капитала женщин. Есть ресурсы общественных движений и организаций. В условиях провозглашаемой «открытости» власти у некоммерческого общественного сектора есть возможности фактически влиять на политику органов власти, участвовать в решении социально значимых вопросов. Полагаем, что

¹ Campa P. Women in Politics: Why are they under-represented? [Электронный ресурс] // Stockholm School of Economics. 2021. URL: <https://www.hhs.se/en/about-us/news/site-publications/publications/2021/women-in-politics-why-are-they-under-represented/> (дата обращения: 01.03.2022).

социально ориентированный некоммерческий сектор может выступать начальным трамплином для политической карьеры женщин.

Кроме того, несмотря на риски сетевого политического буллинга, репутационных потерь в результате заказных информационных атак в сетевом пространстве, современные социальные медиа дают беспрецедентные, по сравнению с прошлым столетием, возможности, позволяющие женщинам сформировать свою целевую аудиторию, влиять на нее, в том числе по политическим вопросам.

Представительство женщин в органах власти региона

Применительно к рассматриваемой теме следует отметить тот факт, что в политической истории Тувы в новейшее время было два прецедента, когда женщины возглавляли высшие органы государственной власти: Хертек Амырбитовна Анчимаа (1940–1944 гг.) в период Тувинской Народной Республики занимала пост Председателя Малого Хурала и Председателя Президиума Малого Хурала Тувинской Народной Республики; Долчанмаа Шожульбеевна Байкара (1962–1977 гг.) была Председателем Президиума Верховного Совета Тувинской АССР (Натсак, 2022: 29, 31).

В политической истории Калмыкии женщины-руководителя республики не было.

В Республике Тыва в настоящее время доля женщин среди депутатов регионального парламента составляет 22,5% или 7 из 31 депутата¹. В первом созыве республиканского законодательного органа (2010–2014 гг.), который после референдума 2010 г. из бикамерального² перешел в форму однопалатного парламента, доля женщин составляла 31,2% или 10 женщин из 32 депутатов³. Во втором созыве (2014–2019 гг.) доля женщин снизилась до 22,5% или до 7 женщин. Такое соотношение сохраняется в действующем третьем созыве (2019 г. — наст. время). Председателем и заместителем председателя Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва являются мужчины-депутаты⁴. Из 9 парламентских комитетов 3 возглавляются женщинами-депутатами (33,3%).

Тенденцию снижения доли женщин в политике можно проследить по результатам выборов в Хурал представителей г. Кызыла, состоявшихся 11 сентября 2022 г. В предыдущем пятом созыве столичного представительного органа было 9 женщин-депутатов, во вновь избранном шестом созыве — 3 женщин-депутатов (представительство женщин уменьшилось с 40,91% до 13,64%)⁵.

В региональном правительстве на уровне заместителей Председателя Правительства и членов правительства женщин — меньшинство. Среди 6 заместителей только 1 женщина (16,6%), из 18 членов правительства также только 1 женщина, исполняющая обязанности министра (5,5%)⁶. По сравнению с началом 2021 г. число женщин-министров заметно сократилось.

Статистические данные показывают, что в целом по численности лиц, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы в Республике Тыва на 2019 г., велика

¹ По результатам состоявшихся дополнительных выборов депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва 11 сентября 2022 г. в Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва по одномандатным избирательным округам Восточный № 6 и Сут-Хольский № 10 количество депутатов составило 31 чел., соответственно изменилось гендерное соотношение в составе депутатов: доля женщин уменьшилась с 23,3% до 22,58%. Сейчас мужчин 24 (77,42%) и женщин — 7 (22,58%). См.: Депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва [Электронный ресурс] // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <https://khural.rtyva.ru/struct/deputaty/295/> (дата обращения: 15.10.2022).

² Бикамеральный парламент — двухпалатный законодательный орган.

³ По данным официального сайта Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва: Депутаты третьего созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Верховный хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/struct/deputaty/295/> (дата обращения: 11.02.2022).

⁴ Изменение гендерного состава руководства тувинского парламента произошло в 2022 г., в начале срока действующего созыва заместителем Председателя ВХ (парламента) Республики Тыва являлась женщина-депутат.

⁵ Эти расчеты сделаны на основе информации официального сайта Кызылского городского Хурала представителей: Депутаты пятого созыва; Депутаты шестого созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Хурал представителей города Кызыла. URL: <http://gorhural.ru/структура/депутаты> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ Состав Правительства Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/sostav-pravitelstva/> (дата обращения: 11.04.2022).

доля женщин — 71%, в муниципальных должностях и должностях муниципальной службы доля женщин еще больше — 73%, в Калмыкии соответственно — 64% и 67%¹. Таким образом, по формальным количественным показателям женщин все меньше в региональном законодательном органе и в руководстве органов власти, однако на среднем и низовом уровнях органов власти и управления — существенное количественное преобладание женщин.

В Калмыкии мы наблюдаем иную картину: тенденция роста количества женщин в I-м (1994–1998 гг.), III-м (2003–2008 гг.), V-м (2013–2018 гг.) созывах сменялась снижением во II-м (1998–2003 гг.), IV-м (2008–2013 гг.), VI-м (2018 — наст. время) созывах, в целом верхний предел доли женщин с I по VI созывы — от 18,5% до 29,6%, а также показатели на текущий момент ниже, чем было и есть в Туве — 31,2% (рис. 1). В первом созыве Народного Хурала (1994–1998 гг.) женщины составляли 7,4% от общего количества депутатов. В период с 1998 по 2003 гг. (II созыв) в Хурале была одна женщина-депутат или 3,7% от общего количества депутатов. Максимальное количество женщин-депутатов было в период с 2013 по 2018 гг. (V созыв) — 8 женщин, что составило 29,6%. В настоящее время в составе Народного Хурала VI созыва 5 женщин-депутатов или 18,5% от общего числа народных избранников.

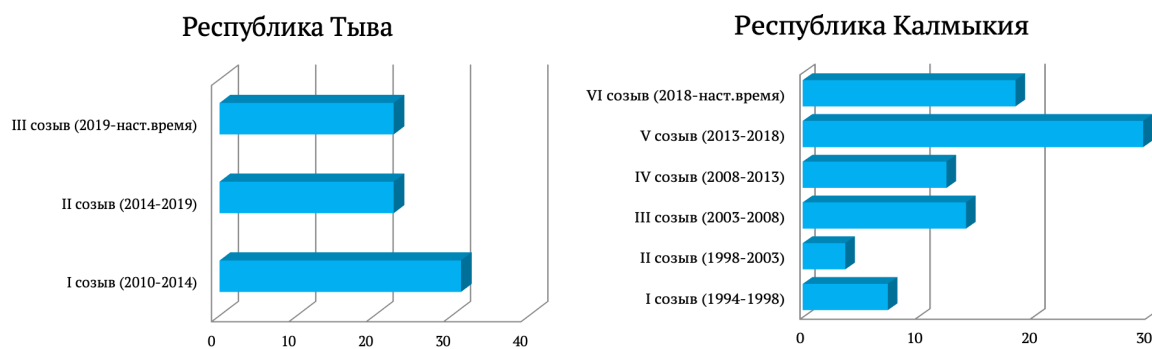

Рис. 1. Представленность женщин в законодательных органах Тувы и Калмыкии, в %².
 Fig. 1. Representation of women in the legislative bodies of Tuva and Kalmykia, in %.

Наибольшее количество женщин представлено в комитете, который отвечает за сферы, курируемые традиционно и в советский период, и в современной России женщинами — в комитете по образованию, здравоохранению, культуре, молодежной политике. В этом комитете — 3 женщины-депутата.

В отличие от Тувы в калмыцком парламенте ни одна женщина не возглавляет какой-либо из комитетов³.

Сравнительный анализ показал, что в высшем органе исполнительной власти и руководстве региональных органов исполнительной власти Калмыкии доля женщин больше, чем в аналогичных структурах Тувы. Женщина занимает пост Председателя Правительства, из 5 заместителей Председателя Правительства — 1 женщина (40%)⁴. В Правительстве Республики Калмыкия в настоящий момент из 12 министерств 5 возглавляются женщинами (38,4%). Для наглядности основные показатели по представленности женщин Тувы и Калмыкии в органах власти даны в таблице.

¹ Женщины и мужчины России 2020. Статистический сборник [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 11.04.2022).

² По данным официального сайта Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва: Депутаты третьего созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Верховный хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/struct/deputaty/295/> (дата обращения: 11.02.2022). По данным официального сайта Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: История представительной власти в республике. [Электронный ресурс] // Народный Хурал (парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт. URL: <http://www.huralrk.ru.postman.ru/about-republic/history.html> (дата обращения 15.04.2022).

³ По данным официального сайта Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: Комитеты и комиссия. [Электронный ресурс] // Народный Хурал (парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт. URL: <http://www.huralrk.ru/structure/komitety-komissii/komitetzakonodatelstva.html> (дата обращения 15.04.2022).

⁴ По данным официального сайта Правительства Республики Калмыкия: Председатель Правительства республики Калмыкия. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Калмыкия. URL: <http://kalmregion.ru/organy-vlasti/> (дата обращения: 17.10.2022).

Таблица. Доля женщин в законодательных и исполнительных органах власти Республики Тыва и Республики Калмыкия, %
 Table. The proportion of women in the legislative and executive authorities of the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia, %

Орган власти	Республика Тыва	Республика Калмыкия
Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва (первый созыв) (2010–2014 гг.) Народный Хурал (парламент) Республика Калмыкия (первый созыв) (1994–1998)	31,2	7,4
Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва (2019 г. — наст время) Народный Хурал (парламент) Республика Калмыкия (2018 — наст. время)	22,5	18,5
Правительство	9,09	35,3

Источник: официальные сайты законодательных и высших исполнительных органов власти Республики Тыва и Республики Калмыкия¹.

Исходя из этих данных, можно сделать несколько выводов. В Туве, Калмыкии, как и в России в целом, в сфере публичной политики и руководстве органов власти женщин — меньшинство. В депутатском корпусе регионального уровня на текущем этапе по сравнению с первыми созывами парламентов двух рассматриваемых субъектов РФ наблюдаются две противоположные тенденции — в Туве наблюдается снижение доли женщин, в Калмыкии — рост. При этом за все созывы Народного Хурала Республики Калмыкия доля женщин не достигала 30%, в то время как в Верховном Хурале (парламенте) Республики Тыва в период I созыва (2010–2014 гг.) был прецедент превышения 30%, а именно — 10 женщин среди 32 депутатов (31,25%), и в настоящее время в составе депутатов законодательного органа Республики Тыва женщины чуть больше представлены, чем в Калмыкии. В формировании состава высшего органа исполнительной власти субъекта РФ — правительства — экспертный и управленческий потенциал женщин в большей степени используется в Калмыкии, чем в Туве, и формирование отраслевой политики в большей степени доверяют женщинам-руководителям. Следует отметить тот факт, что в Калмыкии в отличие от Тувы и России в целом дисбаланс в пользу женщин на уровне региональных государственных гражданских, а также муниципальных служащих менее выражен (в Туве — 71% и 73% соответственно, в России в целом — 74% и 77% соответственно).

Мотивация и потенциал женщин в региональной политике

Для понимания степени мотивации женщин, уровня их политических амбиций, а также оценок в обществе политико-управленческого потенциала женщин, существующих гендерных стереотипов нами было проведено социологическое исследование с использованием единого инструментария в двух регионах.

¹ По данным официальных сайтов правительств и парламентов республик: Состав Правительства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/sostav-pravitelstva/> (дата обращения: 19.09.2022); Органы власти [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Калмыкия. URL: <http://kalmregion.ru/organy-vlasti/> (дата обращения: 19.09.2022); Депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва [Электронный ресурс] // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва URL: <https://khural.rtyva.ru/struct/deputaty/295/> (дата обращения 15.05.2022); Депутаты Народного Хурала (парламента) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // Народный Хурал (парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт. URL: <http://www.huralrk.ru/structure/deputaty.html> (дата обращения 19.09.2022).

Несмотря на то, что участники глубинного интервью — женщины с высшим образованием, состоявшиеся в карьере, имеющие постоянную работу, доход, и интересуются тем, что происходит в региональной политике, ищут и получают информацию из интернет-изданий, мессенджеров, федеральных и региональных ресурсов, в Республике Тыва ни одна из них не выразила желания заниматься политической и общественной деятельностью. На вопрос о том, рассматривают ли участники интервью для себя возможность заниматься политикой, участвовать в выборах, заниматься общественной деятельностью, ответы были отрицательными¹. В позициях женщин наблюдается не столько пассивность, сколько осознанный эскапизм — избегание политики. Вышесказанное свидетельствует о возможном снижении социальной привлекательности политики как профессиональной публичной сферы деятельности на региональном уровне в целом, и для женщин, в частности. Данная ситуация отнюдь не означает, что в обществе нет интереса к политике. Он есть, и большой, но это, скорее, интерес сторонних наблюдателей за сетевыми обсуждениями кадровых назначений, личностей в политическом поле, за трансляцией, как правило, негативной информации относительно них.

Обозначим ключевые факторы, которые препятствуют женщинам более активно проявлять себя в региональной политике и во власти.

Одним из характерных черт современной эпохи является усиление «градуса» агрессии в информационном пространстве в отношении не только политиков, но и большинства чиновников как со стороны политических оппонентов, так и населения, в особенности в условиях социально-экономических проблем на региональном уровне и широкого проникновения соцмедиа в повседневную жизнь. В общественном дискурсе стало привычным делом обсуждение не только профессиональной деятельности политиков, но и разоблачения, скандалы, раскрытие персональных данных, которые могут нарушить неприкосновенность личной жизни, а также привести к репутационным потерям. Как показали интервью, обсуждения публичных лиц для женщин является одним из важных факторов, определяющих нежелание заниматься публичной политикой.

«Женщины сегодня очень уязвимы перед жесткой критикой в сети. И не всегда это содержательная критика, связанная с профессиональной деятельностью, часто это просто оскорбления, особенно по поводу их внешности. Мужчин, думаю, такие вещи не особо задевают. Оскорбительные комментарии о женщинах во власти — показатель нашей общей культуры, озлобленности людей» (женщина, 49 лет, г. Кызыл).

Для небольших республик, в которых каждый представитель политики и власти на виду, данный фактор становится критическим для действующих и будущих политиков, а для их оппонентов — политическим оружием и возможностью влияния на общественное мнение.

«С Интернетом все сложнее для женщин: плюсы в том, что через него можно быстро заявить о себе, высказаться по любому вопросу, сделать тему резонансной, и об этом весь мир узнает. Но женщины беззащитны перед кибербуллингом, троллингом. Для них это болезненно» (мужчина, 22 года, г. Кызыл).

П. Штомпка, исследовавший феномен доверия с социологической точки зрения, считает, что репутация — это актив, вид инвестиций, запас, который позволяет приобретать другие ценностные активы, среди которых доверие и все, что с ним связано (Штомпка, 2012: 191).

Полагаем, что стремление избежать потенциальных репутационных потерь в информационном поле является основой стратегии неучастия в политике. Данный вопрос приобретает особую актуальность и значение в условиях развития новых средств и пространств для социальных коммуникаций.

¹ При интерпретации данного результата необходимо учитывать связь между особенностью вопроса и особенностями участников интервью (эксперты), а также следует соотносить мнение опрошенных с текущей политической практикой. На примере выборов депутатов Кызылского городского Хурала представителей (столичного представительного органа), состоявшихся 11 сентября 2022 г., можно увидеть, что доля женщин-кандидатов была существенной — 39,04%, по результатам голосования 13,64% избранных народных представителей составили женщины (3 из 22 депутатов). Эти цифры, ставшие известными авторам в ходе предпечатной подготовки статьи, свидетельствуют о том, что женщины, с одной стороны, в партийных списках могут занимать неприоритетные места, и, с другой стороны — по электоральной поддержке они уступают мужчинам. См.: Депутаты пятого созыва; Депутаты шестого созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Хурал представителей города Кызыла. URL: <http://gorhural.ru/структура/депутаты/депутаты-шестого-созыва> (дата обращения: 15.10.2022).

Гендерные стереотипы

Политика и власть — мужская сфера. Эту позицию в Туве разделяют практически все эксперты вне зависимости от пола, возраста, экспертной группы, которую они представляют:

- «Мужчины не хотят уступать женщинам дорогу в политической карьере. Мужчины преобладают, их большинство, это — “мужской сговор”» (женщина, 43 года, Кызыл);
- «Мужчины у власти и в политике не дадут женщине раскрыть себя, не позволят ей быть более успешной, чем они. Они не допустят конкуренции с женщинами, потому что они боятся того, что женщина в перспективе может стать успешнее их» (женщина, 39 лет, г. Кызыл);
- «Нужна управляемость во всем, даже женщин-политиков надо готовить, нужно и общество готовить к восприятию того, что женщины могут быть политиками» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

Политика — не женское дело. Эксперты отмечают, что в сознании общества — женщина-политик должна обладать «мужским умом», «мужским характером», «в восприятии многих сильная власть равно мужская власть...». По сути, чтобы стать успешным политиком, женщина должна обладать «мужскими качествами». Такое отношение умаляет качества и ум женщин, и, по мнению исследователей, подразумевает, что эталон ума — мужской, а женский ум — «второй свежести» (Барина, Косорукова, 2019).

Несамостоятельность женщин в политике. Интервью показали укоренившийся стереотип о том, что женщина в политику не может попасть самостоятельно, опираясь лишь на собственные ресурсы:

- «В политику женщин приводят мужчины: мужья или влиятельные покровители» (женщина, 40 лет, г. Элиста);
- «Покровителями могут быть представители родовых кланов, влиятельные бизнесмены или чиновники, которые сами не хотят «светиться», но им нужны люди, которые будут продвигать их интересы...» (женщина, 51 год, г. Элиста).

По мнению некоторых участников интервью, сама идея о женщине-лидере вызывает отторжение у мужчин-политиков. Но при этом они могут по своему усмотрению осознанно и целенаправленно поддерживать, и выдвигать женщин в собственных интересах, оставаясь сами в тени. В этом случае женщины выступают как политический проект, в который финансово, морально, консультационно вкладывают мужчины, в этой связи женщины не являются полноценными политиками со своей позицией по ключевым социально значимым вопросам, и выступают, скорее, как артикуляторы чужих (скрытых) интересов. На такое положение влияет экономический фактор, а именно — дефицит ресурсов у женщин. В ходе исследования экспертами в Туве была озвучена позиция, согласно которой женщины не обладают теми финансовыми возможностями, чтобы быть самостоятельными в региональной политике и выстраивать собственную политическую, в том числе информационную политику. «Материальная бедность большинства женщин, страхи потенциальной критики мешают женщинам заниматься политикой» (женщина, 41 год, г. Кызыл).

Эксперты в Калмыкии также выразили мнение о том, что многим женщинам мешает стереотип, согласно которому высокое положение жены, ее политическое влияние «принижает положение ее мужа в восприятии родственников, общественности в целом». В связи с чем, многие активные, харизматичные женщины сознательно «отходят» на второй план, направляя свою деятельность на семью или развитие бизнеса.

Социокультурные факторы

Неготовность общества к восприятию женщин-лидеров в политике. На этот фактор указывают, как в Туве, так и в Калмыкии. В Калмыкии отмечают, что современное калмыцкое общество еще не готово к тому, чтобы женщины занимались политикой, и ему нужно преодолеть большое количество стереотипов о политике и о роли современной женщины в политике. В настоящий момент, по мнению экспертов, эти стереотипы преодолеть невозможно, поскольку они не преодолены в общероссийском масштабе.

Помимо этого, эксперты выделяют проблему патриархальности обществ:

- «Калмыки патриархальны, большая часть населения не воспринимает женщину как политика, поскольку уверены, что женщина должна заниматься семьей и детьми» (мужчина, 45 лет, г. Элиста);

— «Мужчины-политики не желают впускать женщин в эту область, потому что им легче работать, консультироваться с мужчинами. Они считают женщин слабыми. В тувинском обществе сохраняется патриархальный взгляд на женщин» (женщина, 43 года, г. Кызыл).

Мы видим, что в региональных сообществах Тувы и Калмыкии, устойчивы идеи традиционной семьи, несмотря на высокий уровень образованности как мужчин, так и женщин в данных республиках. Именно этнокультурный фактор, на наш взгляд, все еще определяет главную роль женщины в обществе как «хранительницы очага», но никак не профессионала в той или иной области или тем более равноправного мужчинам политического игрока. Причем такое мнение преобладает в сознании как мужчин, так и самих женщин.

Женская «несолидарность». Эксперты в Туве наряду с другими факторами объясняют гендерный дисбаланс во власти и политике неспособностью самих женщин к сотрудничеству: «Женщины сами отказались от активной роли в политике, власти и уступили все мужчинам. Но если женщины могли бы объединяться, сотрудничать, они многого могли бы добиться» (эксперт, женщина, г. Кызыл).

О феномене российского общества, при котором женщины не поддерживают женщин, писали А. Е. Чирикова, И. Ю. Лапина: «Нежелание допускать женщин во власть со стороны электората некоторые эксперты склонны интерпретировать завистью к чужим успехам и ментальными ограничениями женщин-избирательниц» (Чирикова, Лапина, 2009: 35). Не разделяя полностью данную позицию, все же отметим, что в ходе интервью со стороны женщин-экспертов в Туве был выявлен серьезный дефицит доверия к женщинам-политикам республики и достаточно категоричное отрицание авторитета женщин-политиков и женщин-руководителей. Аналогичная ситуация наблюдалась, когда обсуждался вопрос о доверии женщинам-блогерам, журналистам Тувы. Причинами отсутствия доверия к женщинам-политикам называли отсутствие серьезной позиции и идей. Более того, участники интервью в Туве объясняли невозможность появления женщины в статусе главы республики тем, что женщины сами не поддержат женщину-кандидата. «К женщинам-руководителям или политикам сами женщины относятся пренебрежительно» (39 лет, женщина, г. Кызыл).

В данном случае полагаем, что речь идет о персональном доверии/недоверии, а не о позиционном. Если доверие обращено к конкретной общественной роли (позиции), оно переносится на каждого, кто эти роли выполняет. Однако персональное доверие к конкретным исполнителям ролей имеет, по мнению П. Штомпки, значение для поддержания, усиления или ослабления позиционного доверия и может даже преобразоваться в доверие ко всей институции (Штомпка, 2012: 127). Кроме того, социолог отмечает, что на границе между межличностным доверием и доверием общественным находятся общественные категории, понимаемые как собрания людей, похожих с точки зрения какой-либо черты (там же: 117). В качестве примера он приводит доверие или недоверие, адресованное полу, что часто опирается на стереотипы и предубеждения (доверяю мужчинам и не доверяю женщинам) (там же).

Доверие является основой «социального капитала» — термина, введенного социологом Дж. Коулмэном и политологом Р. Патнемом (Коулман 2001; Патнэм, 1996). Ф. Фукуяма отмечает, что тем или иным запасом социального капитала обладает любое общество, реальные различия между ними обусловлены «радиусом доверия», при этом доверие играет роль своеобразной «смазки», позволяющей группе или организации функционировать более эффективно (Фукуяма 2002: 129, 132).

Отсутствие доверия женщинам-политикам и женщинам-руководителям в органах власти со стороны женщин-экспертов, во-первых, носит персонализированный характер, и не распространяется на позиции и институты. Во-вторых, недоверие к данной общественной категории (в данном случае женщинам-политикам и женщинам, занимающим руководящие позиции в органах власти) указывает на определенные стереотипы в существующей политической культуре. В-третьих, если мы принимаем, что доверие является главным компонентом социального капитала, то выявленное в ходе исследования недоверие женщин-экспертов к рассматриваемой категории может свидетельствовать об определенном дефиците в более общем климате доверия в обществе. Высокие общественные ожидания от политиков и власти, в том числе, в сфере этического поведения, справедливости, компетентности не всегда оправдываются последними, что приводит к снижению доверия к ним.

В Калмыкии со стороны женщин-экспертов наблюдается отрицание авторитета определенных женщин-политиков, занимавших различные должности на разных уровнях власти, но которые, по их мнению, «ничего не сделали для республики». При этом женщины-эксперты видят большой потенциал

у современных женщин республики, который они могли бы успешно реализовать в политической сфере и управлении¹.

Одна из экспертов в Калмыкии отметила, что женщинам важно иметь перед собой реальный пример успешной женщины-политика, который бы вдохновил других женщин и показал, «что если она смогла, то и я смогу». Но пока такого примера, по ее мнению, в республике нет.

В данном вопросе мы наблюдаем, что в Туве женщины более пессимистично видят перспективу женщин в политике, в Калмыкии же эксперты говорят о том, что видят потенциал в современных женщинах, но отмечают, что нет женщины-лидера, которая показала бы всем пример.

Временный характер пребывания во власти и политике. Свое нежелание заниматься публичной политикой участницы интервью женского пола обосновывают также тем, что пребывание в политике и в любой руководящей должности имеет временные лимиты, после истечения которых, по мнению опрошенных, бывший политик или руководитель оказывается вне системы и будет фактически выброшенным из сетей профессиональной, политической поддержки. Как считают участницы интервью, это малопривлекательная перспектива с точки зрения дальнейшей жизни в обществе в условиях небольшой республики.

— «Пребывание в политике и во власти — временное. Когда приходит время уходить, а это время достаточно быстро наступает, человек выходит оттуда «растерзанным» и «травмированным». В дальнейшей жизни это очень плохо отражается. В нашей республике так. Дальше жить в обществе очень сложно. Мы видим эти примеры. Я точно не хочу такой жизни» (женщина, 38 лет, г. Кызыл).

— «Многие и, в первую очередь, женщины понимают, что публичная политика — временное занятие, после которого все дороги будут закрыты. Я сам прошел через это. Когда завершил свою политическую деятельность, я остался без работы, несмотря на уровень моей подготовки. Никто не хотел меня принимать на работу. И это происходило именно по политическим мотивам» (мужчина, 73 года, г. Кызыл).

Таким образом, опрошенные эксперты в Туве считают, что после ухода из региональной политики будет затруднена дальнейшая трудовая карьера.

В Калмыкии же часть экспертов выделила положительные стороны временного пребывания женщины у власти. Они рассматривают политическую карьеру женщины как накопление символического капитала, обречение нужными связями, контактами, доступ к влиятельному кругу лиц, что в дальнейшем будет использоваться для развития бизнеса, профессиональной карьеры не только женщины-политика, но и ее окружения.

Неуверенность и неверие женщин в то, что они способны влиять на политические процессы.

«Попав в политику или во власть, я стану всего лишь винтиком, марионеткой, от которой ничего не зависит. Стыдно будет перед людьми. Ни самостоятельности, ни пользы народу я не смогу добиться. Я это прекрасно понимаю. Сомневаюсь в том, что я буду успешной во власти в нынешних социально-экономических условиях республики, которые всегда были непростыми. Население привыкло к готовому, требовать, оно не готово брать ответственность за свою жизнь» (женщина, 43 года, г. Кызыл).

Мнение опрошенных женщин в Элисте совпадает с женщинами из Кызыла. Они также считают, что в политике женщины не «входят в ядро политической элиты», которое, влияет на структуру политического устройства региона и на внутреннюю политику региона.

Женщины — вне неформальных сетей влияния. В силу устоявшихся норм политической культуры женщины с большей вероятностью будут вне рамок неформальных сетей влияния и принятия решений, в которых обычно участвуют мужчины. Это также влияет на их недостаточную представленность в политике и власти. В этих сферах всегда существует невидимый уровень коммуникаций и принятия решений, которые затем получают процедурное оформление, куда практически не попадают женщины. «У мужчин есть свои чисто “мужские” мероприятия. Такие как выезд в тайгу, охота, рыбалка, доступ к которым женщине закрыт» (мужчина, 61 год, г. Кызыл).

¹ Эти оценки подтвердились, когда Председателем Правительства Республики Калмыкия была назначена женщина, о чем стало известно в ходе предпечатной подготовки статьи. См.: Председатель Правительства Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Республики Калмыкия. URL: <http://kalmregion.ru/predsedatel-pravitelstva/> (дата обращения: 28.09.2022).

Гендерные предпочтения в пользу мужчин вне зависимости от уровня профессиональной компетентности и деловых качеств. Женщины-эксперты акцентировали внимание на том, что в конкурентных условиях при назначении на те, или иные руководящие позиции, даже, когда женщина-кандидат обладает более высокими профессиональными, деловыми качествами, опытом, назначают мужчину.

«На региональном уровне практически все руководящие должности заняты мужчинами. Не берут в учет деловые качества женщин. Есть руководители-мужчины, которые предпочитают работать исключительно с мужчинами. У нас в республике более успешные карьеры у женщин, которые работают в руководящих должностях в территориальных управлениях федеральных органов власти, и назначаются не здесь, а в Москве. Если бы полномочия по их назначениям находились бы у региональной власти, этих женщин как руководителей не было бы» (женщина, 49 лет, г. Кызыл).

Приоритет семьи в системе ценностей современных тувинских и калмыцких женщин. В ходе интервью было выявлено, что для женщин более важны экономическая активность по получению доходов и сфера заботы в семье, домашние обязанности, чем политика.

«Для меня важнее семья: муж, дети, мой дом, мне политика неинтересна как профессиональная деятельность» — такова позиция современных женщин, если обобщить оценки респондентов.

— «Женщины сами поменяли свои приоритеты. Главным для женщин является не политика, а семья, дети, образование детей. Дети сейчас не могут самостоятельно заниматься, их образование требует большого родительского участия, особенно дополнительное образование детей. Поскольку семья, решение семейных вопросов полностью лежат на женщине, она встанет перед выбором: либо семья, либо политика. Она не может это совмещать по времени, так как политика требует всего времени у того, кто ею занимается. Женщины не готовы к э тому, и выбирают семью» (женщина, 43 года, г. Кызыл).

— «На женщине большая нагрузка. Семья на женщине, она кормилица, она должна обеспечивать семью. Ей не до политики» (женщина, 49 лет, г. Кызыл);

— «Если ты становишься политиком, то ты отсутствуешь в семье. Большинство женщин делают выбор в пользу семьи, если у нее все благополучно в семье, то она чувствует себя счастливой. Но если в политической карьере все будет хорошо, но в семье — нет, то она не может быть счастливой» (женщина, 42 года, г. Кызыл).

Эксперты указывают на определенную пассивность женщин: «Сами женщины не хотят в политику. Мы наблюдаем то, что женщины уже привыкли к своей вторичной роли, они соглашаются со своим положением в политике» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

С учетом приоритета семьи в планировании карьерных стратегий женщин можно утверждать о том, что перед современными женщинами как в Туве, так и в Калмыкии стоит дилемма идентичности, описанная Н. Смелзером, при которой женщины пытаются одновременно справиться со многими обязанностями (Смелзер, 1994: 415).

Для калмыцких женщин приоритет семьи также неоспорим. Ответы респондентов в Калмыкии практически полностью совпадают с ответами женщин в Туве. Эксперты отмечают, что многие женщины сами отстраняются от различных социальных и тем более политических активностей, говорят, что «далеки от политики». Также существует тенденция при которой многие активные женщины уезжают из региона или в республику не возвращаются молодые девушки, которые учились в других регионах страны, особенно в г. Москве или Санкт-Петербурге. В этой связи многие эксперты отметили, что если девушка или женщина, получившая образование в другом регионе или успешно работающая за пределами республики, возвращается жить в Калмыкию, то это только потому, что она «выбрала семью, а не карьеру». То есть в данном случае, женщины, которые могли бы заниматься политикой и у которых есть потенциал, амбиции и т. д., в большинстве случаев уезжают из республики.

В социологической литературе описаны результаты исследований, показывающие, что одной из причин нежелания женщин приобретать профессии в областях, где преобладают мужчины, могла быть «боязнь успеха», а также страх социальных последствий успеха (невозможность найти или сохранить мужа, а также вероятность недовольства со стороны других мужчин и женщин) (Смелзер, 1994: 345). Говоря о приоритетности семьи, мы также должны учитывать тот факт, что женщины соотносят приобретаемую «выгоду» от занятий политикой с потенциальными рисками и потерями в других областях жизни, например, в семье.

Оценка роли и потенциала женщин в региональной политике

Эксперты считают, что формально женщины присутствуют в исполнительных и законодательных органах власти двух республик, но не обладают весомым влиянием.

«Женщины в политике есть, однако, они очень ограничены своих действиях, вынуждены действовать с оглядкой на мужчин-политиков. Женщины в республике не могут заявить о себе как свободные политики, выражать свою точку зрения. Они вынуждены играть по правилам мужчин у власти. Если найдется женщина, которая начнет вести свою собственную информационную политику, ей будет очень сложно. Сразу будет негативная реакция, ее будут одергивать, указывать, что ее взгляды идут в разрез с общей политикой. Политика мужского шовинизма началась еще в 1990-е гг., постепенно женщины уходили с политической арены, последние женщины-политики — это Кара-Кыс Донгаковна Аракчаа, Галина Алексеевна Салчак, Зоя Назытыевна Сат» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

В Калмыкии потенциал женщин в политике экспертами оценивается достаточно высоко. Все эксперты отметили необходимость участия женщин в политике наравне с мужчинами.

«Женщины ни в чем не уступают мужчинам. Их даже больше по количеству в возрастных группах старше 40 лет. Женщины активнее, образованнее, социальнее, коммуникабельнее...» (женщина, 44 года, г. Элиста).

Для оценки политического потенциала женщин экспертам был задан вопрос о том, может ли женщина возглавить республику.

В Туве респонденты разделились на две группы: на тех, кто полагает, что при имеющихся политических условиях, политической культуре, социально-экономических условиях женщина не может возглавить республику, и на тех, кто считает, что гипотетически может возглавить, но для этого женщина должна обладать экстраординарными личностными и профессиональными качествами, а для того, чтобы общество было готово к этому, должно пройти определенное количество лет.

Приведем рассуждения экспертов:

— «Женщина не сможет пробиться на верхнюю ступень власти в республике. Такой женщины нет. Мужчинам легче пробиваться. Когда женщины-тувинки проникали во власть и в вершину политику — это были другие времена. Благодаря специальной государственной политике поддержки женщин появились как политические лидеры Хертек Амырбитовна Анчимаа-Тока, Байкара Шожульбеевна Долчанмаа, Тамара Чаш-оловна Норбу. Женщины во власти — это было требованием и политикой прошедших времен. Сейчас такой системы нет, соответственно, шансов у женщин нет» (женщина, 50 лет, г. Кызыл);

— «Должно пройти определенное время, лет 10, чтобы тувинское общество стало готовым к приходу женщины в качестве Главы республики. В политике у нас патриархат, сильное мужское давление. Женщине не до политики, на ней — ответственность за семью» (мужчина, 22 года, г. Кызыл);

— «Женщину могли бы избрать сегодняшние дети, когда они станут электоратом, они свободны от стереотипов, они более свободны в своем выборе, чем мы» (мужчина, 28 лет, г. Кызыл).

Идею о том, что женщина может быть лидером региона, связывали с такими условиями:

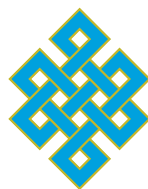
«Женщина может. Но для этого нужно иметь неординарные качества и быть самостоятельной личностью. Если найдется женщина, которая может понять логику баланса сил в республике, неформальные институты влияния в тувинском обществе, в том числе земляческо-родственно-клановые отношения, она может стать главой» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

При этом эксперты вполне допускают мысль о том, что региональный парламент может возглавить женщина. По их мнению, отчасти это связано с тем, что в настоящее время парламент во многом потерял свое политическое влияние.

«Женщина легко может возглавить парламент, так как он сейчас не играет какую-либо значимую роль, ресурсов нет, статус формальный, реальный статус потерян» (женщина, 47 лет, г. Кызыл);

«В понимании простых людей парламент — второстепенный орган, а должность Главы республики — самый высокий. Поэтому на роль главного человека в республике женщину не допустят, а в качестве руководителя парламента — могут» (мужчина, 22 года, г. Кызыл).

В Калмыкии на вопрос, может ли женщина возглавить республику, большая часть экспертов дала отрицательный ответ. Были озвучены следующие ответы: «...если мужчины не справляются, почему женщина сможет»; «...Калмыкия патриархальна» (мужчина, 45 лет, г. Элиста), «Женщины не справятся психологически, они будут критиковаться не только мужчинами, но и самими женщинами...» (мужчина,

50 лет, г. Элиста); «Неважно, каким высоким профессионалом является женщина, в руководстве регионом нужно быть резким и решительным, уметь брать ответственность на себя, принимать решения однозначно и бесповоротно, а это не свойственно женщинам...» (мужчина, 42 года, г. Элиста).

Среди тех, кто считает, что женщины могут возглавить республику были следующие суждения: «Почему бы нет? Если она разумна и выражает интересы жителей республики...» (женщина, 33 года, г. Элиста); «Сейчас нужно отходить от стереотипов, что мужчины должны возглавлять регион, примеров в России мало, но они есть, женщины справляются наравне с мужчинами-политиками...» (женщина, 35 лет, г. Элиста). Но при этом они не назвали имя ни одной из женщин в республике, кто, по их мнению, сейчас мог бы возглавить регион. При этом, как мы видим, более категоричны в этих суждениях мужчины.

Как отмечал У. Липпман, система стереотипов не только экономит усилия, но и могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе, и представляют собой более или менее непротиворечивую картину мира (Липпман, 2004: 108). Стереотипная картина мира может быть неполной, но это картина возможного мира, к которому люди приспособились. Данный исследователь считал, что стереотипы — бастион традиции, за которым люди чувствуют себя в безопасности (там же). История показывает, что разрушителем стереотипов в обществе может служить как целенаправленная идеология, так и реальная политическая практика, фактические кейсы успешных примеров политической карьеры женщин.

Может ли женщина в Калмыкии возглавить Народный Хурал? Мнения экспертов разделилось при ответе на этот вопрос. Часть экспертов отмечает, что в законодательном органе такие женские качества, как профессионализм, аккуратность, гибкость, могут быть больше востребованы, чем в должности руководителя региона, где нужны другие качества. Часть экспертов актуализирует внимание на правах женщин: «Женщина такой же гражданин страны, как и мужчина, обладает теми же правами...» (женщина, 51 год, г. Элиста). Другие эксперты отметили, что в современном обществе, где возрастает роль женщин, «для соблюдения гендерного баланса должность Председателя Хурала можно отдать и женщине...» (мужчина, 43 года, г. Элиста).

Среди отрицательных ответов были мнения о том, что «мужчины лучше в качестве руководителей», также о мужском доминировании и солидарности, которые «не позволят женщинам стать во главе Народного Хурала Республики Калмыкия».

Следует отметить, что с женщиной-лидером ассоциируются надежды на более низкую концентрацию агрессии в обществе и снижение коррупции:

«В пользу женщин-политиков говорит то, что женщины все же меньше будут воровать, высока вероятность того, что снизится уровень агрессии и произойдет оздоровление общества. Они могут задать новые правила игры, новые принципы, убеждения, новый каркас общества» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

В целом, по мнению экспертов, как в Туве, так и в Калмыкии, женщины не могут возглавить регионы. В Туве эксперты считают, что для того, чтобы стать главой республики, женщина должна обладать неординарными качествами, в Калмыкии — достаточно иметь хорошее образование, быть профессионалом, главная проблема заключается лишь в преодолении стереотипов.

В обеих республиках допускают возможность того, что парламент может возглавить женщина. В Туве эту возможность связывают с тем, что законодательный орган обладает, как считают участники интервью, меньшим политическим влиянием, чем высший исполнительный орган, и для соблюдения гендерного баланса можно допустить к руководству парламентом женщину. В Калмыкии вышеуказанный момент также может присутствовать, но респонденты в открытую не говорили об этом, при этом они указали, что сама должность Председателя Народного Хурала предполагает определенные качества, которым женщина соответствует в полной степени.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать несколько выводов.

Тува и Калмыкия близки не только по уровню социально-экономического развития, но и в том, что в обеих республиках достаточны сильны патриархальные взгляды на роль женщин в политике и гендерные стереотипы, согласно которым политика — мужская сфера. И это, несмотря на тот факт, что женщины как социально-демографическая группа как в тувинском, так и калмыцком обществах,

отличаются высокой экономической активностью и социальной мобильностью, имеют более высокий уровень образования по сравнению с мужчинами миграционной активности.

Формально-количественный анализ состава руководства законодательных органов двух регионов, высших органов исполнительной власти, региональных министерств показал, что количество активных женщин-политиков и женщин-руководителей — незначительное. В депутатском корпусе Тувы наблюдается тенденция снижения количества женщин, Калмыкии — роста. Однако, если сравнивать доли женщин, тувинских женщин-парламентариев больше, чем калмыцких, а в руководстве региональных органов власти женщины больше представлены в Калмыкии, чем в Туве. В целом для обоих регионов характерна ситуация, когда политические ресурсы преимущественно концентрируются в руках мужчин, и в формировании региональной политической элиты женщины играют довольно скромную роль.

В Калмыкии, как и в Туве, женщины занимают значительное количество средних и низовых должностей в государственных органах управления. В данном случае можно согласиться с мнением В. М. Очировой, что в республиках женщины в своем большинстве находятся на «нижних этажах власти» (Очирова, 2011: 59).

При этом важно отметить, что эксперты разделяют понятия «женщина-политик» и «женщина-руководитель», «представитель органа власти». Женщина-политик воспринимается ими как более харизматичная личность, чем женщина-управленец, способная обойти конкурентов внутри партии или же стать лидером партии. Женщина-руководитель или представитель органа власти является, по их мнению, высококвалифицированным профессионалом, аналитиком, но персоной не самостоятельной.

Помимо гендерных стереотипов в рассматриваемых регионах сильны экономические и социально-психологические барьеры у самих женщин, препятствующие им более активно проявлять себя в региональной политике. Общей чертой общественного мнения в двух республиках выступает неготовность общества к тому, что регионы гипотетически могут возглавить женщины. Политический потенциал женщин более высоко оценивается в Калмыкии, чем в Туве. Региональные особенности сложившейся политической культуры выражаются и в том, что временный характер пребывания в политике и власти в Туве расценивается как барьер для дальнейшей карьеры после ухода из активной политики и властных позиций, в то время как в Калмыкии — как возможность наращивания социального капитала женщин, который будет способствовать дальнейшему развитию карьеры.

Немаловажным является, как показало наше исследование, наличие у экспертов представления о том, что женщины менее подвержены коррупции, чем мужчины во власти. Полагаем, что в этом выражается некая надежда на справедливое общество, которое ассоциируется с женщинами во власти и политике.

Несмотря на то, что гендерное неравенство в политике характерно для России в целом, этно-социальные особенности рассматриваемых регионов в значительной степени оказывают влияние на политическую активность и участие женщин в политике. Несмотря на высокий уровень образованности женщин в Туве и Калмыкии, в республиках сильны традиционные ценности, в особенности семьи и рода. Анализ высказываний респондентов-женщин показал, что женщины готовы «пожертвовать» карьерой, в том числе политической, ради семьи, а высказывания респондентов-мужчин подтверждают патриархальность тувинского и калмыцкого обществ. При этом важно отметить, что в регионах отмечается высокая трудовая, образовательная и постобразовательная миграция населения, в том числе женская. В связи с чем определенная часть активных женщин строит свою карьеру в других регионах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова, С. Г. (2007) «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии РАН. Вып. 6. С. 319–331.

Барина, Н. В., Косорукова, М. И. (2019) Женщина в современной политической культуре (на примере России и Русского Зарубежья) // *Nauka.me*. № 1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S241328880005606-0>

Задворнова, Ю. С. (2019) Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах цифровой экономики // Женщины в российском обществе. № 3. С. 114–120. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9>

Здравомыслова, Е. А., Темкина, А. А. (2007) Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок: социологический подход / отв. ред. Е. Здравомыслова и А. Темкина. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 306 с. С. 68–97.

Козлова, Н. Н. (2016) Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщины в российском обществе. № 4 (81). С. 58–71. DOI: <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2016.4.5>

Козлова, Н. Н. (2017) Депутатский корпус региональных парламентов Южного Федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. Т. 18. № 2. С. 68–84.

Колесник, Н. В. (2021) Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 468–491. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>

Колесник, Н. В. (2022) «Хрупкое неравенство», или женщины в большой политике: случай административной элиты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24. № 1. С. 107–119. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

Коулман, Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.

Коханская, Е. А. (2014) Роль гендерного фактора в формировании региональной элиты // Власть. № 10. С. 98–104.

Кранзеева, Е. А. (2021) Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 1 (ч. 2). С. 258–266. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-258-266>

Липпман, У. (2004) Общественное мнение. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение». 384 с.

Натсак, О. Д. (2022) Гендерное измерение тувинской политики (советский опыт и постсоветская практика) // Общество: социология, психология, педагогика. № 6. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.24158/sp.2022.6.3>

Очирова, В. М. (2011) Женщины в составе региональных политических элит: к проблеме представительства // Власть. № 12. С. 57–60.

Патнэм, Р. (1996) Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem. 287 с.

Пушкарева, Н. Л., Жидченко, А. В. (2021) Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. № 1. С. 188–201. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Смелзер, Н. (1994) Социология : пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Феникс. 688 с.

Фукуяма, Ф. (2002) Социальный капитал // Культура имеет значение / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 129–148.

Хоткина, З. А. (2018) На пути к цифровому гендерному равенству // Женщина в российском обществе. № 3. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.1>

Чирикова, А. Е., Лапина, И. Ю. (2009) Женщина на высших эшелонах власти. Российские практики и французский опыт. М. : Институт социологии РАН. 72 с.

Штомпка, П. (2021) Доверие — основа общества. М. : Логос. 445 с.

Дата поступления: 07.08.2022 г.

REFERENCES

Aivazova, S. G. (2007) «Igra v gender» na pole rossiiskoi politiki: vozmozhnosti institutsional'nykh izmenenii [“The game in gender” in the field of Russian politics: The possibilities of institutional changes]. In: *Rossia reformiruiushchiasia [Russia reforming]* : A yearbook / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institute of Sociology of the RAS. Issue 6. Pp. 319–331. (In Russ.).]

Barinova, N. V. and Kosorukova, M. I. (2019) Zhenshchina v sovremennoi politicheskoi kul'ture (na primere Rossii i Russkogo Zarubezh'ia) [Woman in modern political culture (on the example of Russia and the Russian diaspora)]. *Nauka. me*, no. 1. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18254/S241328880005606-0>

Zadvornova, Yu. S. (2019) Likvidatsiia gendernogo razryva v oplate truda v STEM-otrasliakh kak kliuchevaia zadacha preodoleniia gendernogo neravenstva v stranakh tsifrovoi ekonomiki [Eliminating the gender wage gap in STEAM industries as a key task of overcoming gender inequalities in countries by means of digital economy], *Zhenshchiny v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 114–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9>

Zdravomyslova, E. A. and Temkina, A. A. (2007) Patriarkhat i «zhenskaia vlast'» [Patriarchy and “women’s power”]. In: *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: A sociological approach] / ed. by E. Zdravomyslova and A. Temkina. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg. 306 p. Pp. 68–97. (In Russ.).

Kozlova, N. N. (2016) Deputatskii korpus Tsentral'nogo federal'nogo okruga: gendernoe izmerenie [Deputy corps of the Central Federal District: The gender dimension]. *Woman in Russian Society*, no. 4 (81), pp. 58–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.4.5>

Kozlova, N. N. (2017) Deputatskii korpus regional'nykh parlamentov Iuzhnogo Federal'nogo okruga: opyt gendernogo analiza [Deputy corps of regional parliaments of the Southern Federal District: Experience of gender analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 18, no. 2, pp. 68–84. (In Russ.).

Kolesnik, N. V. (2021) Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoi vlasti rossiiskikh regionov [Gender (in)equality in the political power of Russian regions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 468–491. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>

Kolesnik, N. V. (2022) «Khrupkoe neravenstvo», ili zhenshchiny v bol'shoi politike: sluchai administrativnoi elity [“Fragile representation” or women in big politics: The case of the administrative elite]. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 1, pp. 107–119. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

Coleman, J. (2001) Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 122–139. (In Russ.).

Kokhanskaia, E. A. (2014) Rol' gendernogo faktora v formirovanii regional'noi elity [The role of the gender factor in the formation of the regional elite]. *Vlast'*, no. 10, pp. 98–104. (In Russ.).

Kranzeeva, E. A. (2021) Izmeneniia politicheskogo soznaniia i povedeniia rossiiskikh zhenshchin: vyzovy tsifrovizatsii [Changes in political consciousness and behavior of Russian women. Challenges of digitalization]. *Vestnik RGGU. Seriya “Filosofia. Sotsiologiya. Iskuststvedenie”*, no. 1 (part 2), pp. 258–266. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-258-266>

Lippman, W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Institute of the Foundation “Obshchestvennoe mnenie”. 384 p. (In Russ.).

Natsak, O. D. (2022) Gendernoe izmerenie tuvinskoii politiki (sovetskii opyt i postsovetskaiia praktika) [Gender dimension of Tuvan politics (Soviet experience and post-Soviet practice)] *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 6, pp. 28–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.6.3>

Ochirova, V. M. (2011) Zhenshchiny v sostave regional'nykh politicheskikh elit: k probleme predstavitel'stva [Women in the composition of regional political elites: To the problem of representation]. *Vlast'*, no. 12, pp. 57–60. (In Russ.).

Putnam, R. (1996) *Chtoby demokratiia srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii* [Making democracy work: Civic traditions in modern Italy]. Moscow, Ad Marginem. 287 p. (In Russ.).

Pushkareva, N. L. and Zhidchenko, A. V. (2021) Zhenskie imena v nazvaniikh ulits tuvinskikh gorodov kak problema sokhraneniia sotsial'noi pamiati etnosa [Streets named after females in Tuva as a case of preserving the social memory of an ethnicity]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 188–201. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Smelser, N. (1994) *Sotsiologiya* [Sociology] / transl. from English, edited by V. A. Yadov. Moscow, Feniks. 688 p. (In Russ.).

Fukuyama, F. (2002) Sotsial'nyi kapital [Social capital]. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu* [Culture matters: How values shape human progress] / ed. by L. Harrison, S. Huntington, transl. from Engl. Moscow, Moscow School of Political Studies. 320 p. Pp. 129–148. (In Russ.).

Khotkina, Z. A. (2018) Na puti k tsifrovomu gendernomu ravenstvu [Towards the digital gender equality]. *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.1>

Chirikova, A. E. and Lapina, I. Yu. (2009) *Zhenshchina na vysshikh eshelonakh vlasti. Rossiiskie praktiki i frantsuzskii opyt* [Woman in the upper echelons of power. Russian practices and French experience]. Moscow, Institute of Sociology of the RAS. 72 p. (In Russ.).

Sztompka, P. (2021) *Doverie — osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow, Logos. 445 p. (In Russ.).

Submission date: 07.08.2022.